

А Н Д Р Е Й В О Р О Н И Н

НОЧНОЙ ЭФФИР

криминальная журналистика
Los Angeles

«Город никогда не спит. И правда тоже.»
— Джеймс Эллой

Сюжетник

Ночной эфир

«Автор»

2026

Сюжетник

Ночной эфир / Сюжетник — «Автор», 2026

Marcus Vale приезжает в Los Angeles без прошлого и с планом: снимать ночь города и продавать кадры телеканалу KVLA. Директор новостей Nina Cross покупает страх, кровь и секунды до рекламы. Ассистент Rick Dunn с Venice Beach хочет «настоящую работу» — и получает её: сканер, погони по 405, перестрелки в Chinatown и эфир, который город не может выключить. «Ночной эфир» — история о stringere, который превращает чужую боль в рейтинги. Venice Beach, Hollywood Hills, Pacific Coast Highway, конкурент Frank Morales и граница между журналистикой и торговлей трагедией. Для тех, кто любит ночной Los Angeles, моральные лабиринты и книги о цене первого кадра.

© Сюжетник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Venice Beach, три часа ночи	5
Глава 1. Металлолом и камера	8
Глава 2. Первая сделка с Nina Cross	11
Глава 3. Rick Dunn	14
Глава 4. Frank Morales и NightFrame LA	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сюжетник

Ночной эфир

Пролог. Venice Beach, три часа ночи

Marcus Vale стоял на Ocean Front Walk и смотрел, как Тихий океан медленно съедает последний неон. Волны били тихо, будто город берёт силы для другого шума — для сканеров, сирен и голосов диспетчеров, которые никогда не желают спокойной ночи. Солёный воздух лип к коже. Где-то за спиной хлопнула дверь лавки, уже закрытой на замок, и запах жареной кукурузы смешался с запахом мокрого бетона.

Три часа ночи. Venice Beach не спал — он просто сменил декорации. Днём здесь продавали масло для загара, браслеты из ракушек и иллюзию свободы; ночью оставались те, кто не мог позволить себе уехать в Beverly Hills даже во сне. Marcus пока принадлежал ко второй категории. Он знал это без злости — как знают вес собственного тела. В кармане лежал блокнот с таблицами: бензин, аренда комнаты на Rose Avenue, цена бэушной камеры, цена времени. Время он уже научился считать дороже бензина.

Он держал в руках не сигарету — он не курил, — а распечатку с Craigslist: «Продам: Canon 5D, стабилизатор, три аккумулятора. Срочно». Продавец из North Hollywood так и не ответил на третье сообщение. Marcus уже понимал: в Los Angeles срочность — отдельная валюта, и её курс меняется каждые пятнадцать минут. Кто опоздал — тот смотрит чужой кадр по телевизору и делает вид, что ему всё равно. Камеру он купил у другого — у мужчины с татуировкой на запястье, который сказал: «Снимала свадьбы. Развод дороже».

На телефоне была сохранена цитата из интервью Nina Cross, директора новостей KVLA: «Зритель хочет быть там, где страшно. Наша работа — доставить его. Безопасно. Для него». Marcus перечитал фразу третий раз за эту ночь и почти улыбнулся. Это звучало не как мораль, а как вакансия. Женщина на экране говорила спокойно, без театра, и именно поэтому ей верили. Он хотел, чтобы она когда-нибудь сказала его фамилию так же спокойно — как факт, а не как просьбу.

Он ещё не знал, что через шесть недель будет стоять на другой улице — не смотреть на океан, а держать объектив, пока за кадром кто-то умрёт. И что его собственный голос спросит не «помочь ли», а «успеет ли монтаж до рекламного блока». Тогда это казалось далёким, почти чужим сценарием. Сейчас он просто слушал город: чужой смех у пирса, скрип колёс скейтборда, далёкий лай, гул шоссе где-то восточнее, будто кровь шла по венам.

Белый Prius стоял у бордюра, будто офис на колёсах. Внутри — пустой держатель для стакана, дешёвый держатель для телефона и место на заднем сиденье, куда уже легли сумки с техникой. Marcus открыл дверь, сел, положил ладонь на руль. Кожа была холодной. Он любил эту секунду перед стартом: ещё ничего не случилось, и всё ещё можно было повернуть назад — к дневной смене на металлоломе, к усталости без камеры, к жизни, где чужая кровь не конвертируется в чек.

Сканер в машине щёлкнул так резко, будто кто-то щёлкнул пальцами у самого уха. Голос диспетчера был ровным, почти скучным: код два, Venice Boulevard, возможное ограбление, подозреваемый скрылся пешком в сторону океана. Marcus не понял всех сокращений с первого раза — он ещё учился этому языку, — но направление услышал ясно. Ночь назвала адрес раньше, чем он сам успел выбрать маршрут.

Он завёл мотор. Фары выхватили из темноты полосу асфальта, мусор у урны, чужой велосипед без седла. Venice смотрел на него пустыми витринами. Где-то в городе уже ехали другие

такие же — с камерами, с голодом, с надеждой успеть первыми. Marcus не знал их имён. Он знал только, что опоздание здесь выглядит как поражение, а поражение не монтируется.

Пока он выезжал на Lincoln, в голове крутилась одна простая мысль: если Nina Cross права, город каждую ночь производит товар, который нельзя складировать. Товар живёт несколько минут — пока зритель не переключит канал. Значит, надо быть там, где товар рождается. Не героем. Не спасателем. Свидетелем с правильным углом и быстрым диском.

Он проехал мимо закрытого Denny's и подумал, что когда-нибудь именно там будет назначать встречи — дешево, круглосуточно, без лишних свидетелей. Пока это была фантазия. Пока у него не было ни контракта, ни ассистента, ни врага по имени Frank Morales. Была только распечатка, которая уже не нужна, и дорога, которая ещё не знала его привычек.

На Venice Boulevard мигали жёлтые огни. Полиция ещё не поставила ленту. Двое прохожих снимали на телефоны что-то у витрины круглосуточного магазина. Marcus притормозил, достал камеру из сумки на соседнем сиденье — ту самую, купленную вчера за деньги, которые лучше было бы отдать за аренду, — и вышел. Руки не дрожали. Дрожал воздух от сирены где-то в двух кварталах.

Он поднял объектив. В кадре оказалось разбитое стекло, полоска крови на пороге и лицо кассира — молодое, мокрое от страха, живое. Marcus нажал запись. В эту секунду город перестал быть пейзажем и стал материалом. Он ещё не умел называть это цинично. Он называл это работой, которую ещё предстояло заслужить.

Когда патрульная машина наконец подъехала, Marcus уже был на обочине, как человек, который «просто проезжал». Офицер бросил короткий взгляд и не прогнал — слишком рано для войны со СМИ, слишком мелко для большой суеты. Marcus снял ещё тридцать секунд: мигалки, жест руки, блеск стекла. Потом сел в Prius и поехал к океану тем же путём, будто круг нужно было замкнуть.

На Ocean Front Walk он остановился снова. Волны не изменились. Неон мигал так же лениво. Но внутри него уже что-то сдвинулось: появилась первая запись на карте памяти и первое ощущение, что ночь отвечает тем, кто умеет её слушать. Он не знал цены кадра. Не знал, купит ли его хоть кто-нибудь. Знал другое — завтра днём он снова пойдёт на промзону к металлолому, а вечером снова сядет в эту машину.

Los Angeles не обещал справедливости. Он обещал движение. Marcus Vale принял это обещание так, как принимают погоду: без переговоров. Сканер молчал минуту, потом снова ожил далёким кодом на другом конце города. Marcus улыбнулся уголком рта — коротко, почти стыдливо — и поехал на восток, туда, где огни становились гуще.

У Muscle Beach кто-то играл на гитаре — одну и ту же фразу снова и снова, будто ночь требовала повтора. Marcus не остановился. Гитара была для туристов днём. Ночью ему нужны были другие звуки — короткие, с адресами. Он притормозил у перекрёстка, проверил, что карта памяти не переполнена, и записал в блокнот время первого кадра: три двадцать шесть. Цифры казались священными. Как вес металла на весах — только точнее.

Ночь только начиналась. И впервые за много месяцев ему казалось, что у неё есть для него место — не у океана как у туриста, а у обочины как у человека, который приехал не смотреть, а успеть.

По дороге на Venice Boulevard он включил радио на секунду — чужую поп-песню — и тут же выключил. Музыка мешала слушать город. На перекрёстке с Lincoln мимо проехал патрульный автомобиль без сирены; Marcus кивнул водителю, которого не знал, и подумал, что когда-нибудь они встретятся на другом адресе — он с камерой, тот с блокнотом. Пока он был никем. Пока это устраивало.

У круглосуточного магазина кассир вышел покурить — тот самый, чьё лицо скоро окажется на карте памяти. Marcus не разговаривал с ним. Стрингер учится приходить после, а

не до — хотя сейчас он пришёл раньше полиции, и это было первое маленькое нарушение порядка, которое потом станет профессией. Он этого ещё не знал.

Когда сел обратно в Prius, на пассажирском сиденье лежала распечатка Craigslist — уже ненужная. Он сунул её под сиденье, как сунут старый билет. Камера на соседнем месте была важнее бумаги. Камера была билетом в комнату, где Nina Cross когда-нибудь скажет «беру» — или не скажет, и тогда придётся искать другую комнату, другой канал, другую ночь.

Он записал в блокнот расходы за вечер: бензин, два доллара за парковку у пирса, ноль за кадр — пока. Потом добавил строку: «Первый материал. Не продан. Но существует». Эта строка успокоила его сильнее, чем кофе, которого у него не было.

На обратном пути мимо Venice Canals вода в каналах была чёрной, как масло. Отражения фонарей дрожали. Marcus на секунду представил, как снимает это — красиво, бесполезно для эфира. Danny когда-нибудь скажет: «Красивое — в корзину». Пока Danny не знал о его существовании. Пока существовал только он, Prius и сканер, который снова молчал — редкая роскошь тишины в городе, который платит за шум.

Глава 1. Металлолом и камера

Днём Marcus Vale продавал металлолом на промзоне у Vernon Avenue. Жара стояла тяжёлая, металл обжигал ладони даже в перчатках, а воздух пах ржавчиной, пылью и чужим потом. Грузовики подъезжали без расписания; люди выгружали то, что город уже не хотел видеть днём. Marcus считал килограммы, спорил о цене, кивал бригадиру и молчал о том, что ночью у него совсем другая профессия — пока ещё без названия, без бейджа и без гарантий.

Ночью он смотрел обучающие ролики: как слушать полицейский сканер, как не попасть под арест, как подойти к месту происшествия так, чтобы тебя не приняли за участника, как продать кадр телеканалу, не продав при этом собственное имя целиком. На экране говорили быстро, с американской деловитостью, и он перематывал одно и то же место по три раза, пока смысл не садился в память как инструкция к станку.

Тогда он впервые услышал слово «стрингер». Так в новостной среде называли фрилансера без штатного бейджа: человека с камерой, сканером и готовностью приехать туда, куда штатная бригада не успевает или не хочет. В Los Angeles таких были сотни. Бывшие операторы, студенты киношкол, люди с долгами и люди с амбициями, алкоголики с хорошим глазом и трезвенники с плохим характером. Marcus не подходил ни под одну чистую категорию — и одновременно подходил под все. У него не было прошлого, которое мешало бы рисковать, и было будущее, которое он записывал в блокнот как бизнес-план.

Страница первая выглядела почти смешно в своей прямоте:

«Цель: стать основным поставщиком ночного эксклюзива для KVLА.

Средства: одна камера, сканер, знание развязок.

Конкурентное преимущество: готовность работать там, где другие слишком человечны.»

Последнюю фразу он не произносил вслух. Даже в блокноте она выглядела опаснее ножа. Он закрыл тетрадь ладонью, будто бумага могла выдать его соседу по комнате.

Первый кадр он продал за двести долларов — ДТП на 405, без жертв, только искорёженный бампер, дождь и мигалки. Редактор на другом конце провода зевнул так громко, что Marcus услышал это сквозь треск связи:

— Привези что-то с лицом. Или с кровью. Или не привози.

Marcus записал в блокнот три слова: «Лицо. Кровь. Не опоздать». Потом долго сидел в Prius у заправки и смотрел, как капли стекают по лобовому стеклу. Двести долларов не решали аренду. Но они доказали простую вещь: рынок существует. Значит, можно расти.

На второй неделе он купил сканер за деньги от трёх ночей без сна. Аппарат трещал чужими голосами и казался живым существом — нервным, требовательным, никогда не сытым. Marcus клал его на пассажирское сиденье и разговаривал с ним коротко, как с напарником: «Тише. Дай адрес. Повтори». Соседи по мотелю смотрели косо, когда он в три ночи выбегал к машине в куртке поверх футболки.

На третьей неделе появился белый Prius. Белый не грелся на солнце так сильно, как чёрный, и ночью не кричал о себе хромом. Машина была бэушной, с царапиной на заднем крыле и запахом чужого освежителя, который Marcus так и не выветрил до конца. Зато багажник принимал штатив, сумки и запасные аккумуляторы, а расход бензина позволял гонять по городу, не считая каждый квартал как приговор.

На четвёртой неделе он увидел Nina Cross.

Не лично. Через стекло приёмной KVLА на Sunset Boulevard. Она прошла мимо быстро, в тёмном пиджаке, с папкой под мышкой, и пахла дорогим парфюмом, смешанным с усталостью. Ассистенту бросила через плечо:

— Если это снова материал с пожара без людей — в корзину.

Marcus стоял с флешкой в потной ладони и понял: ему нужен не пожар. Ему нужна Nina. Нужен человек, который покупает не картинку, а давление в груди у зрителя. Он оставил флешку на стойке, назвал имя и ушёл, не дожидаясь отказа. Отказ всё равно пришёл — короткой смс от стажёра: «Не берём». Он сохранил сообщение. Не из мазохизма. Из учёта.

Днём на промзоне бригадир спросил:

— Ты опять глаза красные. Ночная смена?

— Учёба, — соврал Marcus.

Врать о ночи было легче, чем объяснять. Объяснения требуют морали. А мораль в полдень на Vernon Avenue звучала как роскошь.

Он начал учить город как таблицу умножения. 405 — позвоночник запада. Десятка режет город горизонтально. 101 тащит к Голливуду и дальше в долину. Chinatown после полуночи пахнет иначе, чем днём. Venice врёт туристам и говорит правду тем, кто остаётся. Hollywood Hills сверху кажутся красивой открыткой, а снизу — сетью тупиков, где сирена доезжает дольше, чем хочется матерям.

По вечерам Marcus сидел в дешёвой забегаловке и чертил на салфетке маршруты. Иногда рядом садились другие такие же — с сумками, с усталыми шутками, с разговорами о том, чей кадр купили сегодня. Один толстый парень с бородой сказал:

— Не лезь на Frank Morales. У него фургоны и связи.

Marcus кивнул и записал имя. Конкурент — это не враг в киношном смысле. Конкурент — это часы, которые тикают громче твоих.

Он купил второй аккумулятор, потом третий. Научился монтировать короткие куски прямо в машине: обрезка, титры позже, звук сирены не резать слишком чисто — зритель любит грязь, если она правдива. Однажды снял аварию на Figueroa и понял, что камера любит дождь сильнее солнца: блики, отражения, драма без режиссуры. Nina Cross того кадра не увидела. Увидела другая станция и заплатила мало. Marcus всё равно поставил галочку: «продано».

На шестой неделе без штатной работы в новостях он почти сдался. Аренда давила. Сканер молчал целую пятницу, будто город решил устроить себе выходной от трагедий. Marcus проехал Venice, Santa Monica, кусок РСН — пусто. Вернулся к океану и смотрел на волны до онемения в плечах. Потом сканер ожил: ограбление в Koreatown, есть раненый, подозреваемые на ходу.

Он сорвался так резко, что кофе опрокинулось на коврик. Доехал за одиннадцать минут — чудо для этого часа. Снял лицо кассира, погоню на дальнем плане, кровь на пакетах у кассы. Полиция ещё не выпустила пресс-релиз. Marcus уже писал письмо в KVLA с темой: «Эксклюзив, Koreatown, ночь».

Ответа не было два часа. Потом пришла одна строка от секретаря Nina: «Привези лично. Завтра. Десять утра. Не опаздывай».

Marcus прочитал сообщение стоя посреди парковки у круглосуточного магазина. Неон мигал над головой. В руках дрожал не телефон — воздух. Он купил воду, сел в Prius и впервые за долгое время позволил себе долгий выдох. Не победа. Пропуск в комнату, где решают, быть тебе нужным или снова исчезнуть.

Перед сном он пересчитал деньги в кошельке и понял, что впервые за месяцы у него хватит на бензин без выбора между заправкой и едой. Мелочь. Но мелочь в Los Angeles иногда означает право остаться ещё на одну неделю — а неделя здесь равна сезону.

Ночь на промзоне закончилась для него раньше, чем он сам это произнёс. Металлолом остался дневной маской. Настоящая жизнь теперь начиналась после заката — там, где город показывает зубы, а камера делает из зубов рейтинг.

Перед встречей в KVLA он отгладил единственную приличную рубашку утюгом, взятым у соседки по комнате. Утюг плевался водой, рубашка осталась с залом на локте. Marcus решил,

что залом честнее галстука: Nina Cross покупает не костюмы — угол и время. Он повторял это как молитву по дороге на Sunset.

На парковке у станции он видел фургон NightFrame LA — чистый, с логотипом, с антенной на крыше. Frank Morales ещё не знал его в лицо. Marcus знал машину. Записал номер на салфетке. Не из паранойи — из уважения к конкуренции.

После Koreatown он три часа монтировал в Prius у заправки на Western: обрезал начало, оставил дыхание кассира, не вырезал сирену полностью — пусть будет грязь, пусть будет правда, которую можно продать. Когда экспорт закончился, небо на востоке уже серело. Он не спал. Спать было нельзя — нельзя проснуться и обнаружить, что ночь прошла без тебя.

Один старый стрингер у заправки сказал ему: «Не влюбляйся в кадр. Влюбляйся в скорость». Marcus кивнул и не стал спорить. Внутри он уже влюблялся в другое — в ощущение, что ночь отвечает на его имя щелчком сканера. Опасная нежность. Он спрятал её под таблицами расходов.

Вечером того же дня он проехал мимо офиса NightFrame — просто посмотреть. Фургоны стояли в ряд, как солдаты. У Marcus был Prius с царапиной. Разница не разозлила — закалила. Он записал: «Не догонять флотом. Догонять минутой».

Ночью после отправки письма в KVLА он зашёл в бар на Abbot Kinney и услышал, как незнакомцы обсуждают ограбления вообще — не его кадр, чужой слух. Он допил воду и вышел. Анонимность пока была защитой. Позже станет клеткой — но это знание придёт дорогой ценой, не сегодня.

Глава 2. Первая сделка с Nina Cross

KVLA не была ни NBC, ни CNN. На фоне национальных гигантов она выглядела локальной станцией с ограниченным бюджетом и амбициями выше крыши павильона. Но в Los Angeles «локальное» означало миллионы глаз: люди включали новости, пока варили ужин, и не выключали, если на экране происходило что-то плохое. Плохое держало внимание лучше прогноза погоды и лучше обещаний политиков.

Nina Cross приняла Marcus через десять дней после его седьмой попытки пробиться. До этого были отказы, молчание, одна вежливая отписка и два раза «оставьте материал на стойке». Он всё равно приходил. В приёмной пахло кофе и озоном от техники; на стене висели старые награды станции и новые рейтинговые графики, где красным горели часы провала.

Кабинет Nina был из стекла и дисциплины. Два монитора светились логотипом «Night Watch» — ночного блока, который она создала три года назад и который теперь кормил станцию рекламой. На одном экране шёл эфир конкурентов, на другом — черновик Tonight. Nina сидела прямо, волосы собраны, взгляд без лишней теплоты.

— Ты Vale, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да.

— Не называй меня «мэм». Я не твоя мать. Покажи.

Он подключил диск. На экране развернулось ночное ограбление в Koreatown: крупный план испуганного лица кассира, дрожь рук на прилавке, потом — размытая, но настоящая погоня по боковой улице. Полиция ещё не успела превратить событие в сухой пресс-релиз. Marcus был первым, и это чувствовалось в каждом кадре — в спешке дыхания, в грязи угла, в том, как близко камера подошла к чужому страху.

Nina смотрела без моргания. Пальцы барабанили по столу один раз — и замерли.

— Frank Morales прислал почти то же.

— «Почти» — не эфир, — сказал Marcus. Он не знал, откуда взялась эта фраза. Она легла между ними как монета на ребро.

Nina наклонилась чуть ближе. Вблизи было видно усталость у глаз — не слабость, а цена должности.

— Ты понимаешь, что такое этика стрингера?

— Закон. Контракт. Срок сдачи.

— И?

Он вспомнил ролики, чужие интервью, её же фразу про «доставить зрителя». Вдохнул.

— И рейтинг, — сказал он. — Без рейтинга нет следующего кадра. Без следующего кадра правда становится слухом, а слух не платит аренду.

Nina впервые улыбнулась — коротко, как рекламная врезка между блоками.

— Тысяча двести за пакет. Если зайдёт — звони завтра. Не опаздывай. Опоздание — это Morales. А Morales мне не нравится.

Marcus кивнул. Деньги звучали не как богатство, а как кислород. Он хотел спросить про регулярность, про бонусы, про то, как часто можно приходить. Не спросил. В этой комнате лишние вопросы выглядели как слабость.

На выходе юрист станции — сухопарый мужчина с папкой — перехватил его у двери:

— Расписка на передачу материала. Права на семьдесят два часа после эфира — у KVLA. Потом можете продавать обрезки, если останутся.

Marcus расписался. Буквы вышли ровнее, чем он ожидал. Внутри всё дрожало от адреналина, снаружи он держал лицо человека, который якобы привык к таким дверям.

На Sunset Boulevard солнце било прямо в глаза. Город днём казался другим существом — шумным, ярким, почти невинным. Marcus шёл к машине и считал не доллары, а часы до

следующей ночи. Тысяча двести закрывали дыру в бюджете и открывали голод сильнее прежнего: теперь он знал вкус покупки. Нельзя было вернуться к кадрам, которые никто не берёт.

Вечером он снова слушал сканер. Город дал ему мелкую аварию на Western и ссору у бара в Silver Lake — ничего, чем можно гордиться. Он всё равно снял. Тренировка мышц важнее настроения. В два ночи пришло сообщение от ассистента Nina: «Пакет вышел в „Night Watch“. Зрители держались. Завтра обсудим продолжение».

Marcus прочитал смс в Prius у океана. Волны били в темноте. Он позволил себе одну минуту торжества — ровно шестьдесят секунд, как хронометраж сюжета, — и завёл мотор. Продолжение означало не дружбу. Продолжение означало: ты пока полезен.

На следующий день в холле KVLА он впервые услышал имя Frank Morales произнесённым вслух с уважением и досадой одновременно. Монтажёр Danny, человек с вечными наушниками на шее, сказал:

— Frank быстрый. Грязный, но быстрый. Nina его терпит, пока цифры растут. Если хочешь рядом стоять — будь чище и раньше.

— Я буду раньше, — сказал Marcus.

Danny хмыкнул:

— Все так говорят до первого раза, когда приходится выбирать между кадром и совестью. Потом говорят тише.

Marcus ушёл без спора. Спорить о совести до первой большой ночи казалось преждевременным. Он купил новый кабель, проверил аккумуляторы, заправил бак до полного и записал в блокнот: «Nina Cross — вход. Удержать. Не романтизировать. Поставлять».

Ночью на 10 он снял перевёрнутый седан и лицо женщины, которая кричала на обочине. Кадр был жёсткий, почти неприличный в своей близости. Он отправил превью в KVLА ещё до приезда скорой на полный разворот. Nina ответила через четыре минуты:

— Беру. Ближе к глазам в следующий раз. Не к машине — к человеку.

Marcus посмотрел на сообщение и понял цену роста: каждый «беру» будет требовать ещё один шаг внутрь чужой боли. Он сохранил переписку. Не для суда. Для памяти о том, кто задаёт направление.

В ту неделю он перестал ремонтировать дневную жизнь под старые привычки. Металлолом остался страховкой, но мысли уже жили на частотах сканера. Когда бригадир кричал на смене, Marcus слышал вместо этого коды диспетчеров. Когда солнце садилось за промзоной, он чувствовал не усталость — предстарт.

Третья сделка с Nina прошла быстрее второй. Четвёртая — уже без лишних вопросов в приёмной. Его имя начали произносить в монтажной как рабочий инструмент: «Vale прислал», «Vale на месте», «Vale опять первый». Это ещё не было славой. Это было включением в кровотоки станции.

А кровотоков, как он быстро понял, не прощает пауз. Пауза — это Frank Morales с фургоном у нужного перекрёстка. Пауза — это пустой слот в «Night Watch» и голос Nina, говорящий кому-то другому: «Тогда бери у него».

Marcus стоял однажды у стеклянной стены редакции и смотрел, как ночной город складывается из точек фар. Ему казалось, что каждая точка — возможный сюжет. Нужно только выбрать верную и успеть. Он больше не спрашивал себя, достоин ли. Он спрашивал, готов ли бак, заряжены ли аккумуляторы и слышно ли сканер сквозь шум собственной крови.

Тысяча двести долларов лежали в конверте на сиденье рядом с ним — наличные, как в старых фильмах. Он не положил их в банк сразу. Хотел ещё один вечер понюхать бумагу, которая пахла не типографией, а разрешением продолжать. Потом положит. Потом купит второй аккумулятор. Потом — кто знает — может, вторую камеру. Los Angeles любил тех, кто не останавливался на первом «беру».

В монтажной KVLA, куда его пустили только на минуту за водой, Marcus услышал, как Danny говорит ассистенту: «У Morales опять мыло на объективе в погоне. У Vale — лицо. Видишь разницу?» Marcus не показал, что слушает. Вышел в коридор и впервые почувствовал, что «Vale» — не просто фамилия на расписке, а марка, которую будут сравнивать с грязью и скоростью Frank.

Тысяча двести он положил в конверт и спрятал под коврик в Prius — не в банк, не сразу. Хотел ещё один день понюхать бумагу, которая пахла разрешением продолжать. На обед купил нормальный сэндвич вместо лапши из магазина у мотеля. Мелочь. Но мелочь в Los Angeles иногда означает право не сдаваться.

Вечером того дня Nina не звонила. Это молчание было тяжелее отказа: значит, пакет ещё на столе, ещё в очереди, ещё может стать «нет». Marcus проехал по 405 медленнее, чем нужно, — слушал сканер, но мысленно был в монтажной, где его кадр либо живёт, либо умирает в корзине.

Когда смс пришла — «Зрители держались» — он стоял у океана и смотрел, как волны смывают следы на песке. Подумал: зритель держится, а кассир из Koreatown, наверное, не спит. Или спит с таблетками. Marcus не звонил ему. Этика стрингера, которую Nina не произнесла вслух: не возвращайся к лицам, которые ты уже продал.

На следующей неделе Frank Morales прислал в KVLA «почти то же» снова — другой угол, другая резкость. Nina взяла у Marcus. Frank позвонил Marcus ночью, номер скрыт, голос пьяный: «Ты мне мешаешь». Marcus ответил: «Я тебе мотивирую» — и положил трубку. В блокноте появилась новая строка: «Morales — внешний. Nina — внутренний. Не перепутать».

Он стоял у стеклянной стены редакции и смотрел, как ночной город складывается из точек фар. Каждая точка — возможный сюжет. Нужно только выбрать верную и успеть. Он больше не спрашивал, достоин ли. Он спрашивал, готов ли бак, заряжены ли аккумуляторы и слышно ли сканер сквозь шум собственной крови — потому что кровь в этом городе начинает биться быстрее, как только ты один раз услышал «тысяча двести» и понял, что это только начало счёта.

Глава 3. Rick Dunn

Объявление висело на доске Venice Beach Community Center между листовками о йоге на песке и рекламой курсов актёрского мастерства. Бумага пожелтела по краям от солёного воздуха, скрепка ржавела, но четыре строки читались чётко: «Нужен ассистент. Ночная работа. Опыт не важен. Выносливость — важна». Внизу — номер телефона без имени и слово «стрингер» в скобках, будто кто-то боялся, что без пояснения никто не поймёт.

Rick Dunn прочитал объявление три раза подряд. Ему было девятнадцать. Лето тянулось медленно, как жвачка; деньги заканчивались быстрее, чем он успевал объяснять матери, почему не поступил в колледж «пока что». Он снимал на телефон закаты для друзей, монтировал короткие ролики в приложении, мечтал о кино — настоящем, с титрами в конце. Los Angeles обещал кино каждому, кто умел держать камеру. Но обещание и работа жили в разных районах.

Он позвонил в полдень. Голос на другом конце был ровный, без лишней теплоты:

— Если боишься темноты — не трать моё время.

— Боюсь, — сказал Rick. — Но не только её.

Пауза. Потом:

— Denny's на Lincoln. Два ночи. Садись у окна. Закажи что-нибудь, чтобы официант не гнал.

Marcus Vale сидел у стекла, когда Rick вошёл. Белая футболка, тёмная куртка, руки без украшений — только след от ремня часов. На столе — кофе, блокнот, ключи от машины. За окном Lincoln Boulevard жил своей ночной жизнью: фары, гудки, редкие пешеходы, спешившие туда, куда днём не ходят.

— Ты Dunn?

— Да.

— Садись. Вода или кофе?

— Воду.

Marcus кивнул, будто это был правильный ответ на экзамене, который ещё не начался.

— Снимал что-нибудь?

— На телефон. Для TikTok. Для друзей. Хочу в кино.

— Это не кино, — сказал Marcus. — Это новости. Разница простая: в кино кровь ненастоящая. Здесь — наоборот. Ты готов смотреть на настоящую?

Rick почувствовал, как под ложечкой что-то холодное шевельнулось. Он кивнул — слишком быстро, слишком охотно.

— Ты боишься?

— Да.

— Хорошо. Бояться — нормально. Паниковать — нет. Паника портит кадр. А кадр — единственное, за что платят.

Официант принёс воду. Rick пил маленькими глотками, слушая, как Marcus объясняет ночь Los Angeles: сканер, который никогда не спит; белый Prius, который не кричит о себе на парковке; телеканал KTLA и женщина по имени Nina Cross, которая покупает не картинки, а секунды чужого страха. Слово «стрингер» Marcus больше не разжёвывал — Rick уже слышал его в интернете, в роликах про ночную журналистику.

— А если люди пострадали? — спросил Rick.

Marcus смотрел на проезжающие фары, будто читал по ним карту города.

— Тогда мы показываем, что пострадали. Город узнает. Полиция не сможет сказать «ничего не случилось». Это называется подотчётность. Ты знаешь это слово?

— Слышал.

— Тогда запомни: мы не врачи и не спасатели. Мы — глаза тех, кто спит. Если глаза закрыты — для них ничего не было.

Rick кивнул. Слово «подотчётность» звучало взросло. Он хотел быть взрослым. Los Angeles отнимал детство у всех, кто оставался — вопрос только в том, за что платят.

Marcus положил на стол одну страницу — контракт, напечатанный мелким шрифтом:

— Сорок долларов за ночь. Не за час. За всю ночь, до рассвета или до моего слова «домой». Ты держишь камеру, слушаешь меня, не задаёшь лишних вопросов на месте. Вопросы — потом, в машине.

Rick прочитал. Ставка была ниже того, что он зарабатывал на бордвоке, продавая сувениры туристам. Но бордвок днём не давал того, что манило из объявления: «настоящую работу». Он подписал. Marcus сложил копию и положил в бардачок — Rick видел там сканер, аптечку, запасной аккумулятор, как у бойца, который давно живёт в поле.

— Завтра не приходи, — сказал Marcus. — Послезавтра. Девять вечера. Адрес пришлю. Надень тёмное. Кроссовки, не шлёпанцы. И ешь до выезда — потом некогда.

Rick вышел на Lincoln Boulevard и долго стоял у перекрёстка. Ветер с океана пах солью и чужими сигаретами. Он впервые за месяцы почувствовал не тревогу, а направление — пусть опасное, пусть дешёвое, но своё.

Первую ночь они встретились у заправки на Lincoln. Белый Prius стоял под лампой, багажник приоткрыт: три камеры, штатив, сумка с кабелями. Marcus проверил аккумуляторы, включил сканер. Треск голосов заполнил салон — чужие адреса, коды, сухие команды диспетчеров.

— Слушай, — сказал Marcus. — Не пытайся понять всё сразу. Сначала — адрес. Потом — дорога. Потом — кадр.

Сканер ожил после одиннадцати: авария на 10 шоссе, западное направление, несколько машин, возможны пострадавшие. Marcus завёл мотор так резко, что Rick ударился головой о подголовник.

— Держись, — сказал Marcus. — Это учебка. Настоящая.

Десятка ночью — это река из света. Грузовики, фуры, редкие легковые, мигалки вдалеке. Marcus вёл быстро, но без суеты, будто знал каждую полосу наизусть. Rick сидел с камерой на коленях и чувствовал, как дрожат не только руки — дрожала челюсть, колени, воздух в груди.

На месте уже стояла скорая. Перевернутый седан, стекло на асфальте, женщина на обочине — без обуви, в одной ночной футболке, кричала на испанском. Полиция ещё не оцепила полностью. Marcus выскочил первым.

— Шире, — шептал он Rick через плечо. — Лицо. Не отводи. Дыши через рот.

Rick снимал. Объектив искал фокус, руки не слушались, но он не опустил камеру — может быть, впервые в жизни не опустил, когда страшно. Marcus снял крупный план женщины, потом — разбитую машину, потом — огни патрульной, подъезжающей сзади. Всё это заняло меньше четырёх минут.

В машине Marcus монтировал на ноутбуке, пока Rick смотрел в окно на проплывающие огни.

— Нормально для первого раза, — сказал Marcus. — Руки дрожали — видно. В следующий раз дрожь останется в тебе, не в кадре. Это и есть обучение.

— Мы отправили?

— Превью ушло в KVLA. Nina ответит — или нет. Не жди похвалы. Жди следующий адрес.

Rick не спал до утра. Когда они вернулись к океану, солнце уже серило горизонт. Marcus поспал два часа на заднем сиденье, завернувшись в куртку. Rick сидел на капоте и смотрел на волны. В телефоне — короткое сообщение от Marcus, пришедшее, пока тот дремал: «Night Signal Media. Одна машина, два человека, три камеры. Добро пожаловать в ночь».

Rick прочитал три раза. Название звучало как компания, как команда, как что-то большее, чем сорок долларов и дрожащие руки на десятке. Он не знал ещё, что через неделю это название будет значить конкуренцию, правила, записанные в его блокноте чужой рукой, и кадры, после которых закаты на телефоне покажутся другим жанром.

Marcus проснулся, завёл Prius и сказ коротко:

— Домой. Спать. Завтра — снова.

Rick кивнул. Los Angeles за спиной шумел днём — другим голосом. Но Rick уже слышал другой, главный: треск сканера, шёпот «лицо, не отводи», и собственное сердце, которое бьётся в такт с ночным городом, пока кто-то ещё не успел всё стереть до утреннего выпуска новостей.

На обратном пути по Lincoln Marcus остановился у круглосуточного магазина и купил две бутылки воды. Бросил одну Rick:

— Пей. Обезвоживание делает из ассистента тряпку.

— Ты всегда так говоришь?

— Только с теми, кто подписал.

В магазине на телевизоре шёл утренний выпуск новостей — чужие лица, чужие аварии, прогноз погоды без дождя. Rick смотрел и думал: где-то там, за кадром, сидят такие же, как они, только в студии. А он только что стоял на обочине десятки и держал камеру, пока женщина кричала. Разница между экраном и асфальтом казалась пропастью, которую можно перейти только ночью.

Marcus заметил его взгляд:

— Не сравнивай. В студии монтируют. Мы — снимаем. Это разные религии.

— A Night Signal — это что? Название для Nina?

— Название для нас. Сигнал, который идёт, когда город думает, что все спят. Одна машина, два человека, три камеры — пока. Потом посмотрим.

Rick хотел спросить про деньги, про будущее, про то, станет ли из этого «кино». Не спросил. В Prius пахло кофе, бензином и чем-то металлическим от сканера. Запах работы — он запомнил его так же чётко, как дрожь в пальцах.

К полудню пришло сообщение от ассистента Nina: «Превью принято. Vale — уточнить ракурс лица». Marcus показал экран Rick и впервые улыбнулся — коротко, почти незаметно.

— Видишь? Дрожь не помешала. Помешала бы — не написали бы «принято».

Rick лёг на кровать в комнате, которую делил с незнакомцем у пляжа, и закрыл глаза. Сон не шёл. Перед веками стояла женщина на обочине, разбитое стекло, голос Marcus: «Шире». Он понял: ночь не закончилась с рассветом. Она просто ждала в бардачке Prius, рядом с контрактом на сорок долларов и названием, которое звучало как обещание — Night Signal Media.

Глава 4. Frank Morales и NightFrame LA

Frank Morales появился на горизонте Night Signal Media не как человек — как фургон. Белый Mercedes с логотипом NightFrame LA на борту, антенна на крыше, двое операторов в жилетах с карманами для объективов. Marcus увидел его впервые на месте перестрелки в South Central — 103rd и Main, код три, возможные жертвы, СМИ просят держаться подальше.

Они приехали с Rick за шесть минут. Prius остановился у бокового переулка; Marcus уже снимал с левого фланга, Rick держал вторую камеру на звук — крики, сирены, чей-то плач на испанском. Полиция ещё не натянула ленту. На противоположной стороне улицы стоял Frank — сорок три года, бывший оператор CNN, теперь владелец маленькой империи из двух фургонов и репутации «быстрого, но грязного».

— Vale, — крикнул он через улицу. — Ты опять на моей территории.

Marcus не повернул голову. Кадр шёл в объектив — мигалки, дым от выстрела, силуэты за машиной.

— Территория принадлежит городу Los Angeles, — ответил он. — Мы оба платим налоги. Я — меньше.

Frank засмеялся. Смех был короткий, без тепла — как звук закрывающейся двери.

— Nina Cross купит у того, кто первый. Ты вчера выиграл на минуту. Минута — не карьера.

Marcus снимал дальше. Rick слышал, как собственное дыхание громче сирен. Frank подошёл ближе — плечом к плечу, как на футбольном поле, только здесь мячом была чужая боль.

— Слышал, ты нанял мальчика с Venice, — сказал Frank, не понижая голос. — Осторожнее с детским трудом.

— Осторожнее с кадром без фокуса, — ответил Marcus.

Frank отступил на шаг. В глазах — не злость, а расчёт: человек, который привык измерять мир секундами эфира и чужими ошибками.

Полиция приехала через три минуты. Лента, команды, фонари. Marcus уже складывал штатив. Frank остался спорить с офицером у патрульной — жестикулировал, показывал пресс-бейдж, требовал «ещё тридцать секунд». Marcus сел в Prius и открыл ноутбук на пассажирском. Пальцы летали по клавишам: обрезка, стабилизация, звук сирены не резать слишком чисто — зритель любит правду с шумом.

— Он опасен? — спросил Rick, когда они тронулись.

— Он конкурент, — сказал Marcus. — В Los Angeles это почти одно и то же.

Rick смотрел в зеркало заднего вида: фургон NightFrame LA оставался на месте, как корабль, который не уступает полосу.

В KVLА Marcus отдал пакет лично. Nina Cross смотрела на экран без моргания — перестрелка, угол слева, лицо раненого на носилках, звук, от которого монтажёр Danny одобрительно кивнул.

— Frank Morales прислал почти то же, — сказала Nina.

— «Почти» — не эфир, — повторил Marcus. Фраза уже не казалась случайной. Она стала ключом.

Nina барабанила пальцами по столу один раз и замерла.

— Беру у тебя. Эксклюзив. Бонус — триста за ракурс, которого у него нет.

Marcus кивнул. Триста долларов — не богатство, но знак: Nina выбирает сторону. Пока — его.

На выходе из станции он получил сообщение от незнакомого номера:

«Ты мне мешаешь. — F.M.»

Marcus прочитал, не останавливаясь. Rick шёл рядом, уставший, с кольцами под глазами.

— Кто это?

— Morales. Он думает, что ночь — его аренда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.